

НЕДАВНЯЯ ТРАГЕДІЯ ВЪ БУХАРЬ¹⁾.

«Если кто нибудь обижаетъ васъ, обижайте
его, какъ онъ васъ обижаетъ».

Коранъ, глава II, стихъ 190.

ВЕЗКОНЕЧНО велика та рознь, которая отдѣляетъ насъ до сихъ поръ въ бытовомъ, общественномъ и религіозно-нравственномъ отношеніи отъ нашихъ ближайшихъ сосѣдей на далекомъ востокѣ. Коранъ и шаріатъ, составляющіе единственную основу вѣрованныхъ и понятій неподвластныхъ намъ мусульманъ Средней Азіи, являются какъ бы стѣной, ограждающей ихъ отъ вѣянія времени и вліянія цивилизаціи. Ограниченныя на нашей территоріи, въ своемъ ближайшемъ примѣненіи, сферой религіозныхъ отправлений и автономіей народнаго суда, исламо-суффическія тенденціи находятъ широкій просторъ для своего развитія на почвѣ, сосѣднихъ намъ, полунезависимыхъ ханствъ Бухары, Хивы и родственнаго имъ по языку и религіи Авганистана.

Государственный и общественный строй этихъ странъ, религія, бытъ народа, нравы, обычаи, судопроизводство и образованность—все это вытекаетъ изъ двухъ главныхъ началъ ислама: корана и шаріата. Эти два творенія великаго мусульманскаго пророка и его ближайшаго послѣдователя составляютъ до сей поры единственныя двѣ истины, въ которыя вѣрять магометанинъ

¹⁾ Свѣдѣнія объ излагаемомъ ниже эпизодѣ собраны нами лично, въ бытность нашу въ Бухарѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года.

Средней Азіи, которыми онъ живетъ и изъ которыхъ черпаетъ всю свою житейскую мудрость.

Многочисленное и вліятельное мусульманское духовенство всѣми силами поддерживаетъ въ народѣ обаяніе религиозныхъ идей ислама. Ревниво охраняя сложившійся за тысячелѣтіе назадъ, подъ ихъ вліяніемъ, государственный и общественный строй отъ какихъ бы то ни было современныхъ нововведеній, оно представляетъ изъ себя могущественнаго противника тѣмъ новымъ идеямъ, которыя широкой волной хлынули въ Среднюю Азію изъ Европы черезъ открытыя ворота Туркестанскаго края. Оно, повидимому, въ полной мѣрѣ достигаетъ пока своихъ цѣлей, ибо косность, въ которой пребываетъ неподвластный намъ мусульманскій міръ, простирается до такой степени, что даже могущественное вліяніе Россіи, въ соединеніи съ добрымъ желаніемъ правителей ханствъ, оказывается подчасъ безсильнымъ измѣнить въ ихъ внутреннемъ строѣ то или другое условіе, созданное тысячелѣтними традиціями ислама.

Страннымъ, почти невѣроятнымъ для нашего времени, анахронизмомъ являются эти догорающіе очаги религиознаго фанатизма, отжившихъ идей и устарѣвшихъ традицій!

Мы не можемъ не привѣтствовать то замѣтное стремленіе внести въ этотъ темный міръ идеи государственнаго и общественнаго порядка, образованности и человѣчности, которое за послѣднее время особенно ощущается въ нашей политикѣ на далекомъ востоцѣ. Безъ сомнѣнія, стремленія эти являются лишь первыми попытками къ осуществленію той высоко-гуманной задачи, которую, вопреки увѣреніямъ нашихъ соперниковъ англичанъ, Россія совершенно безкорыстно преслѣдуетъ относительно подвластныхъ ей народовъ Средней Азіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, чтобы приводимый нами ниже трагическій эпизодъ составилъ единичный фактъ въ исторіи царствованія эмира Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-хана, благородныя побужденія и добрыя намѣренія котораго не подлежатъ сомнѣнію.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, первенствующее значеніе между государственными чинами Бухарскаго ханства занимала родственная между собой группа сановниковъ персидскаго происхожденія, состоявшая изъ престарѣлаго кушъ-беги Муллы-Мехметъ-Бія¹⁾,

¹⁾ Званіе кушъ-беги, по своему внутреннему значенію въ Бухарскомъ ханствѣ, можетъ быть приравниваемо къ званію у насъ министра иностранныхъ дѣлъ и предсѣдателя государственнаго совѣта. Оно сопряжено, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ званіемъ губернатора Бухары и коменданта дворца эмира.

Вышая должность въ Бухарѣ «аталыкъ» остается незамѣщенной со времени эмира Насръ-Уллаха, сдѣланнаго въ послѣдній разъ аталыкомъ владѣтеля Шахризябекаго. (Мурза-Шамси-Бухари, Записки, пр. 13, стр. 60).

его сына, главнаго бухарскаго зякетчи Мухамедъ-Шарифа-диванъ-беги¹⁾, и внука, бека Чарджуйскаго, Астанакуль-инака²⁾.

Группа эта считалась наиболѣе сильной и вліятельной въ странѣ какъ по своему непосредственному значенію, такъ и по тому довѣрію и расположенію, которое ей оказывалъ молодой эмиръ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ, связанный по отношенію кушъ-беги чувствомъ благодарности за его старинную преданность къ дому Мангытъ³⁾ и къ нему лично, а съ его сыномъ узами дружбы. Въмѣстѣ съ тѣмъ, группа эта считалась стоящей во главѣ наиболѣе сочувствующей Россіи партіи бухарскихъ сановниковъ, противовѣсь которой составляла старо-бухарская, узбекская, партія. Само собой разумѣется, что эта могущественная семья, какъ и повсюду на востокѣ, имѣла многочисленныхъ родственниковъ, ставленниковъ и приверженцевъ на различныхъ ступеняхъ государственной лѣстницы.

Глава и патриархъ этой семьи, Мулла-Мехмедъ-Бій, родомъ персіянинъ изъ мѣстечка Караи, близъ Мешхеда, еще мальчикомъ десяти-двѣнадцати лѣтъ былъ захваченъ въ плѣнъ туркменами и въ 1820 году привезенъ ими на продажу въ Бухару.

Здѣсь онъ былъ купленъ за нѣсколько червонцевъ извѣстнымъ Хакимомъ-кушъ-беги⁴⁾.

¹⁾ Званіе диванъ-беги можетъ быть приравниваемо къ званію статсъ-секретаря; должность главнаго зякетчи—къ должности министра финансовъ и заведывающаго казной и хозяйствомъ эмира.

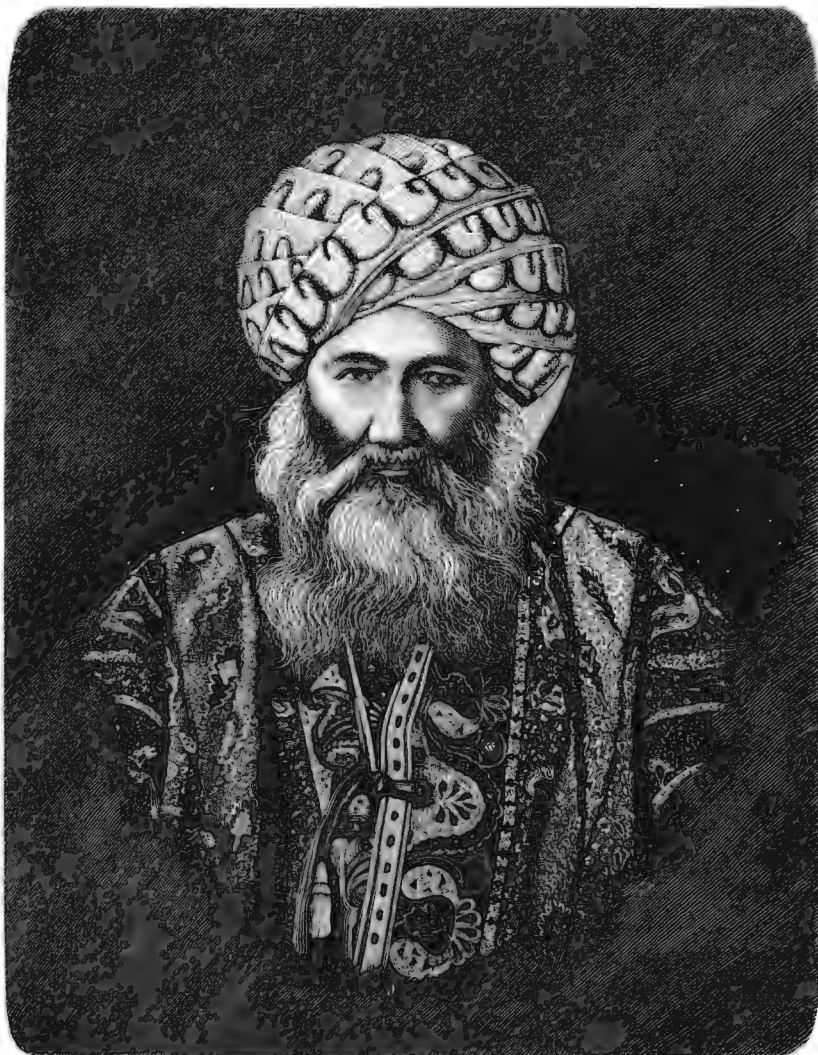
²⁾ Бекъ—начальникъ города и прилегающаго къ нему округа. Инакъ—военный чинъ, приравниваемый къ чину полковника.

³⁾ Царствующая въ Бухарѣ династія ведетъ свой родъ, по женской линіи, отъ Тамерлана. (Мурза-Шамси-Бухари, Записки, прим. 15, стр. 61). По мужской она происходитъ отъ узбекскаго рода Мангытъ, изъ отдѣленія Тукъ. (Ханьковъ, Описаніе Бухарскаго ханства, стр. 58).

У монголовъ названіемъ «тукъ» опредѣлялся отрядъ воиновъ въ 100 человекъ. (Марко Поло, переводъ Шемякина, стр. 184).

⁴⁾ Хакимъ-кушъ-беги игралъ выдающуюся роль въ исторіи Бухарскаго ханства первой четверти текущаго столѣтія, олицетворяя собой вѣроломный типъ царедворца при дворѣ средне-азиатскихъ деспотовъ. Обязанный всѣмъ своимъ благосостояніемъ Эмиръ-Сеиду, онъ отравляетъ его, желая доставить его второму сыну, Насръ-Уллаху, удобный случай захватить престолъ отца, помимо старшаго брата, Хуссейнъ-хана. Когда же интрига не удалась, и этотъ послѣдній въ 1825 году воцарился на бухарскомъ престолѣ, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отравляетъ и его. Присягнувъ, затѣмъ, назначенному Хуссейнъ-ханомъ себѣ въ преемники младшему сыну Эмиръ-Сеида, Омаръ-хану, онъ измѣнически предастъ его и городъ Бухару въ руки взбунтовавшагося Насръ-Уллаха, который и воцаряется въ столицѣ ханства 22-го марта 1826 года, подъ именемъ Насръ-Улла-Багадуръ-Хана-Меликъ-Эль-Муменина. Этотъ вѣроломный человекъ былъ достойнымъ образомъ наказанъ за свои позорныя дѣянія. Въ 1837 году возведенный имъ на престолъ эмиръ Насръ-Уллахъ конфискуетъ всѣ награбленныя имъ несметныя богатства, а его самого заключаетъ въ тюрьму, гдѣ онъ и былъ зарѣзанъ въ 1840 году. (Ханьковъ, Исторія Бухарскаго ханства, стр. 224—230; Борнсъ, Путешествіе въ Бухару, ч. 2, стр. 382—388 и др.; Вамбери, Исторія Бухары, гл. XVIII, стр. 136—140).

По умерщвленіи этого послѣдняго при эмирѣ Насръ-Уллахѣ, въ 1840 году, онъ, вмѣстѣ съ прочими его рабами и имуществомъ, поступилъ въ казну и былъ причисленъ къ штату наслѣдника

Мулла-Мехмедъ-Бій.

престола Сеидъ-Музафаръ-Эддина ¹⁾, при которомъ состоялъ въ качествѣ слуги. Его выдающіяся способности обратили на него вни-

¹⁾ Эмиръ Сеиль-Музафаръ-Эддинъ родился въ 1823 году, вступилъ на бухарскій престолъ въ 1860 году, умеръ 31-го октября 1885 года.

маніе Музафаръ-Эддина и, при его воцареніи на престолѣ, въ 1860 году, Мулла-Мехмедъ-Бій былъ послѣдовательно назначаемъ на должности миршаба (полицейскаго чиновника), мираба (завѣдывающаго ирригаціей) и серкерда (баталіоннаго командира). Въ послѣднемъ званіи онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Джизакѣ, Самаркандѣ и Зерабулакѣ, раздѣливъ съ своимъ повелителемъ тяжкіе удары, нанесенные русскимъ оружіемъ могуществу властителя правобѣрныхъ въ Средней Азіи.

По окончаніи войны, Мулла-Мехмедъ-Бій былъ назначенъ бекомъ въ Шахризязбѣ, гдѣ успѣлъ заявить себя способнымъ, дѣятельнымъ и энергичнымъ администраторомъ, а въ 1870 году эмиръ предоставилъ ему оставшуюся вакантной должность кушъ-беги¹⁾.

Кушъ-беги Мулла-Мехмедъ-Бій дожилъ до глубокой старости, сохранивъ до послѣдней минуты бодрость духа и принимая непосредственное участіе въ дѣлахъ государства. Его девятнадцатилѣтнее пребываніе у власти было ознаменовано глубокой преданностію интересамъ народа и обоихъ эмировъ, довѣріемъ и расположеніемъ которыхъ онъ пользовался, не смотря на происки и интриги природныхъ бухарцевъ, ненавидѣвшихъ его, какъ пришлеца и шита.

Населеніе столицы уважало и любило его. По свидѣтельству лицъ, коротко знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ ханствѣ, никогда не было слышно жалобъ на притѣсненія, интриги или несправедливости съ его стороны.

Въ 1886 году, Мулла-Мехмедъ-Бій вмѣстѣ съ своей семьей и прочими рабами въ Бухарскомъ ханствѣ былъ освобожденъ отъ невольничества, навсегда уничтоженнаго эмиромъ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханомъ въ его владѣніяхъ.

Сынъ Муллы-Мехмедъ-Бія, Мухамедъ-Шарифъ-диванъ-беги, занимая должность главнаго бухарскаго зякетчи еще при дворѣ покойнаго эмира Музафаръ-Эддина, успѣлъ зарекомендовать себя выдающимися способностями и особенной преданностію къ царствующей династіи, въ частности къ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-хану. Между прочими оказанными имъ послѣднему услугами было то, что онъ скрылъ отъ народа смерть эмира Музафара до тѣхъ поръ, пока изъ Керминэ²⁾ прибылъ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ, чѣмъ пре-

¹⁾ Въ этой должности его видѣли и о немъ писали: Всеволодъ Крестовскій (Въ гостяхъ у эмира бухарскаго, гл. VII, стр. 292—296) и докторъ Яворскій (Путешествіе русскаго посольства по Авангистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 годахъ, т. II, стр. 334—336).

²⁾ Городъ Керминэ и прилегающій къ нему округъ составляютъ какъ бы удѣлъ наслѣдниковъ бухарскаго престола, гдѣ они поселяются по достиженіи совершеннолѣтія, управляя округомъ на правахъ беконъ.

Керминэ, расположенный въ 80 верстахъ желѣзно-дорожнаго пути отъ Бухары, у подошвы горнаго хребта Каратау, составляетъ любимое лѣтнее мѣсто-пребываніе эмира Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-хана.

дотворотилъ безпорядки въ странѣ и неизбѣжную въ такихъ случаяхъ на Востокъ семейную распрю.

По воцареніи молодаго эмира 4-го ноября 1885 г., Мухамедъ-Шарифъ сдѣлался его ближайшимъ личнымъ совѣтникомъ. Кромѣ

Мухамедъ-Шарифъ-диванъ-беги.

того, Сеидъ-Абуль-Ахатъ поручилъ ему завѣдываніе всѣми дѣлами по сношеніямъ Бухары съ русскимъ правительствомъ.

При такомъ положеніи вещей, вся страна и самъ эмиръ смотрѣли на Мухамедъ-Шарифа-диванъ-беги, какъ на будущаго преемника его отца Муллы-Мехмедъ-Бія въ званіи кушъ-беги.

Младшимъ представителемъ этой выдающейся семьи являлся сынъ Мухамедъ-Шарифа, двадцативосьми-лѣтній чарджуйскій бекъ Астанакуль-инакъ¹⁾. Одаренный замѣчательно красивой наружностью, симпатичный и умный, онъ рано обратилъ на себя вниманіе эмира, который ввѣрилъ ему важный постъ начальника пограничнаго съ русскими владѣніями Чарджуйскаго округа. На этой должности онъ успѣлъ оказать серьезныя услуги русскому правительству при постройкѣ Закаспійской желѣзной дороги, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

При такихъ обстоятельствахъ застаеъ эту семью 1888-й годъ, имѣвшій для нея роковое значеніе.

Въ это время проживалъ въ Бухарѣ нѣкто Гаибъ-Назаръ, по происхожденію авганецъ, занимавшій при эмирѣ Музафарѣ должность амлякдара въ Керминэ²⁾, когда бекствомъ этимъ управлялъ наслѣдникъ престола, нынѣшній эмиръ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ. Вскорѣ послѣ смерти Музафара, Гаибъ-Назаръ былъ уволенъ отъ должности за то, что утаилъ часть казенныхъ доходовъ ввѣреннаго ему округа. Подозрѣвая въ Мухамедъ-Шарифѣ-диванъ-беги главнаго виновника постигшаго его несчастія, онъ затаилъ къ нему глубокую ненависть и, поселившись въ своемъ домѣ въ Бухарѣ, гдѣ пользовался репутаціей человѣка со средствами, выжидалъ лишь случая отомстить своему врагу.

Эмиры бухарскіе имѣютъ обыкновеніе ежегодно разъ объѣзжать свои владѣнія, останавливаясь на нѣкоторое время въ наиболѣе населенныхъ округахъ, какъ Керминэ, Кахши, Шахризьябскія владѣнія и Чарджуй.

Во время одной изъ такихъ поѣздокъ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-хана въ Шахризьябъ, весной 1888 года, Хайдъ-карауль-беги, братъ Гаибъ-Назара, служившій въ бухарскихъ войскахъ и командированный, на время, съ какимъ-то порученіемъ изъ Шахризьяба въ Бухару, привезъ эмиру доносъ Гаибъ-Назара на Мухамедъ-Шарифа-диванъ-беги и на прочихъ высшихъ должностныхъ лицъ, оставшихся въ столицѣ.

Доносъ этотъ привелъ эмира въ негодованіе и вызвалъ приказъ объ арестованіи Гаибъ-Назара и о конфискаціи его имущества. Исполненіе этого приказа было возложено эмиромъ на Мухамедъ-Шарифа-диванъ-беги.

21-го марта 1888 года, въ 8 часовъ утра, Мухамедъ-Шарифъ, въ сопровожденіи двухъ слугъ, прибылъ въ домъ Гаибъ-Назара для объявленія ему воли эмира и составленія описи его имуще-

¹⁾ Въ настоящее время главный бухарскій зикетчи, Астанакуль-парваначи.

²⁾ Амлякдаръ—сборщикъ податей. Въ Бухарскомъ ханствѣ ежегодный размѣръ подати съ земли опредѣляется по весеннимъ всходамъ, что, разумѣется, открываетъ широкій путь къ злоупотребленіямъ всякаго рода со стороны должностныхъ лицъ податной администраціи.

стеа. Взойдя въ мима-хана (пріемная комната), онъ передалъ Гаибъ-Назару повелѣніе, присовокупивъ, съ своей стороны, слова утѣшенія и обѣщаніе ходатайствовать передъ эмиромъ о его прощеніи. Гаибъ-Назаръ молча выслушалъ диванъ-беги и, когда по-

Астанакуль-парваначи.

слѣдній кончилъ, заявилъ ему, что въ числѣ его имущества находятся цѣнныя вещи, отданныя ему на сохраненіе, которыя онъ, прежде всего, желаетъ представить. Затѣмъ онъ вышелъ въ другую комнату и, черезъ минуту возвратившись оттуда съ револьверомъ въ рукѣ, съ словами: «собака, шійте, предатель!» выстрѣ-

«истор. вѣстн.», май, 1892 г., т. XLVIII.

11

лилъ изъ него два раза въ Мухамедь-Шарифа. Этотъ послѣдній, уже смертельно раненый, бросился на него. Завязалась борьба, прекращенная лишь сбѣжавшейся на шумъ толпой, которая схватила и избила преступника.

Умиращаго положили на арбу и увезли домой, но онъ еще нашель въ себѣ достаточно силъ, чтобы приказать освободить убійцу изъ рукъ разъяренной черни и доставить его къ себѣ на квартиру, гдѣ помѣстилъ въ сосѣдней съ собой комнатѣ, опасаясь, что онъ будетъ растерзанъ народомъ до производства надъ нимъ слѣдствія.

22-го марта, въ 5 часовъ утра, Мухамедь-Шарифъ-диванъ-беги умеръ, не смотря на медицинскую помощь, оказанную ему докторомъ Гейфельдеромъ, командированнымъ на мѣсто происшествія строителемъ Закаспійской желѣзной дороги генераль-лейтенантомъ Анненковымъ, находившимся въ это время по служебнымъ дѣламъ въ окрестностяхъ Бухары.

Смерть этого выдающагося человѣка искренне огорчила не только эмира и населеніе столицы, но и всѣхъ соприкасавшихся съ нимъ, по служебнымъ дѣламъ, лицъ нашей туркестанской администраціи. Бухара потеряла въ немъ способнаго, энергическаго администратора, а Россія человѣка, искренне преданнаго русскимъ интересамъ, много способствовавшаго измѣненію къ лучшему положенія дѣлъ въ ханствѣ.

Узнавъ о кончинѣ Мухамедь-Шарифа, эмиръ написалъ удрученному горемъ престарѣлому кушъ-беги прочувствованное письмо, въ которомъ, между прочимъ, упомянулъ, что никогда не смотрѣлъ на покойнаго какъ на слугу, а какъ на старшаго брата, и что теперь постарается замѣнить Мулла-Мехмедъ-Бію потеряннаго имъ сына.

Почтенный старецъ недолго пережилъ это печальное событіе: онъ умеръ 10-го ноября 1889 года, на 81 году жизни.

Сынъ умершаго Мухамедь-Шарифа Астанакуль-инакъ назначенъ эмиромъ на мѣсто отца тотчасъ послѣ его смерти и въ званіи парваначи и главнаго зякетчія является теперь однимъ изъ наиболѣе преданныхъ и полезныхъ слугъ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана.

Что касается убійцы диванъ-беги, Гаибъ-Назара, то, по повелѣнію эмира, онъ былъ переданъ въ руки родственниковъ убитаго.

Нужно знать исторію бухарскаго народа и тѣ звѣрскіе инстинкты, алчность и честолюбіе, которые ему присущи, нужно, наконецъ, принять въ расчетъ, что, по установившемуся обычаю, смерть или удаленіе какого нибудь государственнаго сановника въ Бухарскомъ ханствѣ влечетъ за собой смѣну съ должностей всѣхъ его подчиненныхъ и замѣщеніе ихъ ставленниками вновь назначаемаго лица, чтобы объяснить себѣ ту ужасную казнь, которая ожидала преступника. Безъ сомнѣнія, она была придумана

не однимъ лицомъ, а цѣлой корпораціей людей, старавшихся вымѣстить на убійцѣ диванъ-беги то ожесточеніе, которое въ нихъ было вызвано смертью этого человѣка, унесшаго съ собой въ могилу шансы на успѣхъ, богатство и почести, быть можетъ, не одного поколѣнія близкихъ къ нему людей и родственниковъ.

Казнь эта, достойная временъ Каракалы и Нерона, заключалась въ слѣдующемъ: убійца былъ привязанъ къ хвосту лошади и, при огромномъ стеченіи народа, возимъ такимъ образомъ по улицамъ, площадямъ и базарамъ города. Затѣмъ, ему раздробили кости рукъ и ногъ и еще живымъ бросили за городскую стѣну, на съѣденіе собакамъ.

Главныя подробности этой безчеловѣчной казни, какъ всегда, были приведены въ исполненіе на обширной соборной площади Бухары, въ виду величественныхъ зданій медресе Миръ-Арабъ и Мечеть-и-калянъ, этихъ нѣмыхъ свидѣтелей столькихъ кровавыхъ историческихъ событій, начиная съ нашествія Чингизъ-хана и триумфальныхъ вѣздовъ Тимура, до недавней еще казни двухъ невинныхъ орудій англійской алчности и домогательства въ Средней Азіи—Коноли и Стоддарта ¹⁾.

П. П. Ш.

Ташкентъ.
23-го ноября 1891 года.

¹⁾ Подковникъ Стоддартъ и капитанъ Коноли, командированные англійскимъ правительствомъ въ Бухару и Коканъ съ цѣлью образовать пзъ средне-азіатскихъ ханствъ враждебную Россіи коалицію, были схвачены эмиромъ Насръ-Уллахомъ и, по его повелѣнію, казнены въ Бухарѣ, въ 1842 году.